

У ЗАБЫТОЙ МОГИЛЫ В САН РЕМО

Памяти
Любови Александровны Недоброво

*Маргарите Беляевой:
In memoriam*

И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это - только рана
И муки облачко над ней.
Ахматова

На нем лежит неизбывная печать убожества, присущего многим русским кладбищам, на этом русском уголке кладбища некогда фешенебельного, связанного с памятью императрицы Марии Александровны, блистательного пианиста Василия Сапельникова и ряда других русских "имен" курорта лигурийской Ривьеры Сан Ремо. И могила, о которой пойдет речь, заброшенная: надгробие покосилось, ушло в землю, никаких следов ухода, но все цело, бури времени и людская злоба пока щадят этот памятник, его можно найти (вопреки ложным указаниям "кустода", явно коммуниста или "комюнистана"), постоять, задуматься, помолиться. "Щедр и милостив Господь" к "боящимся Его", к "чистим сердцем", к тем, кто "положит душу свою за други своя". С мраморного греческого креста свешивается к подножию, "Голгофе", надломленная лилия, за подножием надпись:

Любовь Александровна
Недоброво
урожд. Ольхина
13. XII. 1875 - 20. II. 1924
Блажени чистіи сердцемъ
яко тїи Бога узрять

Да, это жена "незабвенного друга" Анны Ахматовой, вскружившей ему голову, передавшей ему смертельную для него и его жены болезнь, остановившей затем внимание на его друге Борисе фон Анрепе, но продолжавшей еще какое-то время очный и заочный флирт с ним, пока их окончательно не "разметала красная гроза" (Мих. Звездинский). Он умер от туберкулеза, перекинувшегося на почки, в конце 1919 года в Ялте, жена бежала из Крыма накануне того, как туда ворвалась большевистская орда, скончалась в Сан Ремо от чахотки, полученной от мужа. Посмертная награда от Ахматовой ему - рассчитанные на идолопоклонников (*magister dixit*) фразы, что как поэт она "на 3/4" сделана им (уж ей-то не знать, кем "делается" поэт - самим собой в первую очередь), ей - "злое шипение" (заимствуем изящное выражение из арсенала Анны всея Руси), как правило, чужими устами (излюбленный прием ее же).

Тут надо бы остановиться и сказать: да, да, любезный читатель, вы совершенно правы: "пока не требует поэта к священной жертве Аполлон" и т. д. Кто такая Анна Ахматова-поэт, мне не просто известно еще с тех времен, когда "от Либавы до Владивостока" ей звучала "зычная анафема"; это - часть моего земного существования, я ее "ел", как сказал Розанов о Пушкине. Совсем недавно в запальчивом споре мне было брошено в лицо обвинение в том, что мое поколение возвело Ахматову на не подобающий ей пьедестал. Если бы это было не пение с чужого голоса, то можно было бы признать, что Ахматова поэт не "великий" и что последним великим русским поэтом был Фет, но Ахматова мой поэт, и как поэта на поругание ее я никому не отдам. Однако характер ее поэзии таков, что, думая и говоря о ней, нельзя не размышлять об Ахматовой-человеке (вослед Бодлеру и Рембо, самые "зашифрованные" ее стихотворения апеллируют к тому, чтобы читатель

занялся их биографической расшифровкой). Поэт и человек теснейшим образом связаны, если не тождественны, и замалчивать его "пороки", коли мы о них знаем, мы не вправе; можно не соглашаться с Прустом, что "порочность" природы источник творческого начала, но трудно не согласиться с Пушкиным в том, что пороки выдающейся личности отнюдь не уравнивают ее с толпой. И не посмертные счета поколения, которое я "еще застал на земле", буду я сводить, а расскажу, как получится, о человеческой судьбе, о человеческих судьбах в "минуты роковые" "роковой страны" (а какая не роковая, разве что Дания или Финляндия) России...

Она была состоятельна и недурна собой¹, Любовь Александровна Ольхина, одна из наследниц большого имения в Белоострове под Петербургом, принадлежавшего в XIX веке ее деду генерал-лейтенанту А. И. Ольхину². Злые языки утверждали, что Недоброво,

Любовь Недоброво

Николай Недоброво

бывший моложе на 10 лет, женился на ней из-за ее состояния (возможно, так оно и было, хотя бы отчасти). А то и из-за ее наследственной старинной мебели и нарядов (на венчании она "утопала в фамильных блондах"³). Но, как бы то ни было, несмотря на свое позднее, 33-х лет, замужество, дурнушкой она не была; свидетельством тому ее сохранившиеся фотографии. Если верить Ю. Сазоновой (Слонимской)⁴, находили также, что у нее прекрасные руки, но не следует слишком полагаться на это сообщение, ибо оно является единственным доводом мемуаристки, чтобы связать стихотворение Ахматовой "Покорно мне воображение..." с Н. В. Недоброво, вопреки тому, что он не был ни "знаменитым современником" героини, ни "приказавшим" ей "убить свою любовь". Любовь Александровна любила мужа самозабвенно, какой-то полуматеринской любовью, отчего даже слова, обращенные к нему, облекались в ласковую, как к малым деткам обращенную форму - и это коробило монденное и стильное окружение Николая Владимировича. Всякое проявление чувств считалось там дурным тоном, слащавостью, "сюсюком". Самозабвение ее доходило до того, что она готова была позволять и позволяла ему дружбу с молоденькими неиспорченными девушками, надолго предоставляла его самому себе, если ему этого хотелось. И совершенно естественно, спокойно, без какой-либо жертвенности. Все до тех пор, пока в их жизнь не вторглась она. Поэтесса. Поэт, как она себя позднее стала называть (до "Ахматовой" в третьем лице, подобно Бонапарту или Сталину, она все же не дошла).

Он тоже был поэт, но что бы ни говорили "коннессёры" Ахматовой и ее окружения, поэт весьма небольшой, по сравнению с которым граф Комаровский и даже Владимир Шилейко исполнены поэтической свободы и раскованности. И лирические стихотворения (за редкими исключениями), и трагедию в стихах "Юдифь" иначе, как более или менее (чаще более) принужденным версификаторством не назовешь. Вот уж поистине "упражнение в стихописании" (такой воспринял в 1965 году, с ее голоса, ахматовскую

"Мелхолу" фон Анреп, и по-своему он был прав, но это другой разговор). Скромность дарования совершенно естественно сочеталась с эстетизацией жизни и стремлением "лансировать", "создавать репутации", быть "арбитром изящества" (эпоха Дягилева - "страшного, потому что за ним сила", как сказал Блок; Суриков тоже крепко его не любил). Это стремление во многом питалось харьковским (как у Дягилева пермским) прошлым. Хорошего дворянского, но не аристократического рода, Недоброво провел гимназические годы в провинциальном Харькове, где судьба сделала его одноклассником Бориса фон Анрепа, приехавшим сюда вместе с отцом, крупным юристом, впоследствии сенатором, получившим сюда новое служебное назначение из Петербурга. Две "столичные штучки" (одна в потенци) быстро сошлись, хотя как личности они были довольно разные: в силу служебного положения отца фон Анрепу не надо было стремиться в "круг повыше", и он обладал скромным, но подлинным художественным даром (живопись, скульптура, мозаика), размеров которого сам перед собой не преувеличивал, натурой был отчасти богемной и не снобической. Недоброво был законченный сноб (за это его не принимал его университетский сотоварищ Блок, и Недоброво платил ему тем же, правда, опускаясь до едва ли не придуманных рассказиков о том, что на вопрос экзаменатора о "шансон де жест", старофранцузских "песнях о деяниях", Блок ответил, что это песни, сопровождаемые жестами). Но сноб высшего полета, много давший Ахматовой не столько своими предписаниями, как творить (одна из ее мистификаций), сколько воздействием своей личностной модели с ее выделанной, отполированной и, в конечном итоге, все же манерной светскостью в стиле "модерн" (впрочем, есть "модерн" и "модерн": "дукессы" и "принчипессы", вившиеся возле Д'Аннунцио, не говоря уже о княгине Орловой, были много проще).

Встреча Ахматовой с Недоброво произошла, видимо, в октябре 1913 года. Недоброво стал "делать литературную политику" и образовал со своими друзьями литературно-художественный кружок "Общество поэтов". Первое его заседание состоялось 4 апреля 1913 года в Шестой петербургской гимназии, где Александр Блок прочитал свою драму "Роза и Крест"; в числе около ста человек получила приглашение от Совета кружка и Анна Ахматова⁵. Однако, скорее всего, она им не воспользовалась, несмотря на позднейшее мемуарное свидетельство Вл. Пяста о ее присутствии на чтении; вряд ли бы она сама не вспомнила об этом в своих воспоминаниях о Блоке. Играла свою роль, пожалуй, все та же литературная "политика". Неверная жена, Ахматова маниакально декларировала свою приверженность изобретенному ее мужем Гумилевым "акмеизму" вплоть до конца дней, не упуская случая зло и едко прохаживаться по поводу "звездных арматур" и "туманностей" Блока. Чужды они были и Недоброво с его "неоклассицизмом" - ориентацией на поэтов пушкинской поры (это было тогда последним криком моды у "северных снобов" - культ Николаевской эпохи: "царей портреты на стенах", мебель красного дерева, бачки, малые поэты "золотого века"). Блок на первом заседании был для "Общества поэтов" вроде свадебного генерала, телом инородным ("Вчера я читал "Розу и Крест" среди врагов, светских людей, холодных "нововременцев", - писал он жене), и более на заседаниях кружка не появлялся. Да и Анна Андреевна, видимо, их не жаловала (бывавшая на них с мая 1913 года молоденькая курсистка В. А. Знаменская, сблизившаяся с супругами Недоброво, а впоследствии, с начала 1920-х годов, с Ахматовой, ее на них не запомнила⁶).

Первое свидетельство о встречах Н. В. Недоброво и Ахматовой относится к 16 ноября 1913 года: в этот день Недоброво пишет Б. В. фон Анрепу в Париж: "Я окружаю себя людьми, в обществе которых трачу время до такой степени щедро, что его вовсе не остается. О. А. [Химона], Ахматова, девица Рейнольдс, одна влюбленная в Любовь Александровну очаровательная курсистка, целое "Общество поэтов"..."⁷. Недоброво не мог не произвести на Ахматову большого впечатления: "провинциальной барышне, играющей в светскую даму" (Ив. Бунин) был преподан урок, как "надо играть". Блестящие манеры и осанка, компенсирующие неблестящее дворянское происхождение, несколько

поверхностная, но умеющая как бы невзначай подать себя эрудиция (подчеркнутый интерес к "леонардескам", кругу Леонардо, а не к самому Леонардо, а потому и к миланскому музею Польди-Пеццоли, где есть их работы, к слову, немногочисленные и не самые интересные), занятия, вопреки здоровью, красивыми видами спорта - лыжами, коньками, катанием с гор на санках. В облике что-то от гордой птицы, орлиное. Хорошо знавшая его с начала века Т. М. Девель вспоминала в 1967 году: "Н. В. я вспоминаю, когда слежу за состязаниями по фигурному катанию на льду. Он чертовски хорошо катался на коньках: легко и элегантно, и я охотно с ним вальсировала под музыку у нас на прудах"⁸. Впрочем, берем на себя смелость утверждать, что "перламутровый мальчик" (словцо современников, сохраненное Ю. Л. Сазоновой) как мужчина не слишком волновал Анну Андреевну. Ее мужской тип был другим, восходя к крымчанину "Рыбаку" (пользуемся названием ее стихотворения), с кем она пятнадцатилетней девчонкой впервые познала любовь под перевернутой лодкой (о ней, как о неповторившейся в ее жизни степени физического наслаждения, она, в приступе откровенности, вызванной предельным одиночеством начала 1950-х годов, поведала случайному посетителю ее дома⁹ - дореволюционной мешанской "фатерки"¹⁰ на улице Красной Конницы в Ленинграде). Этот "Рыбак" виделся ей и в Модильяни, и в Лурье, и в И. Берлине - ее еврейских, и, возможно, нееврейских (Пильняк) привязанностях.

Но роман с Недоброво все-таки был. Скорее всего, кратковременный, мимолетный. "Наши встречи минутны, наши встречи случайны" (Вал. Кривич). Она замужняя дама, хотя и пользующаяся большой свободой времяпрепровождения, он некрепкого здоровья молодой муж зрелой, заботливо опекающей его жены, чиновник канцелярии Государственной думы (по протекции фон Анрепа-отца¹¹). Возможностей для любовных свиданий почти нет. Встречи на людях не слишком частые (Знаменская не помнит Ахматову ни на одном заседании Общества поэтов, а в доме у Недоброво, на Кавалергардской, будущей Красной Конницы, № 20, видела только один раз, в январе 1914 года на рауте в честь В. И. Иванова: "В этот вечер она была такая, как на портрете О. Делла Вос Кардовской, и такая, как нарисовал ее А. А. Блок в его стихотворении: "Красота страшна, Вам скажут..."¹²). И все же Недоброво в цитированном письме к Анрепу говорит об интенсивном общении, но, видимо, особого свойства, в очень узком и ином, чем тот, к которому относилась в это время В. А. Знаменская, кругу. Она, скорее, была связана с женской половиной дома, а у Анны Андреевны были и причина, и повод для отдельных разговоров с хозяином в его кабинете: она готовила новую книгу стихов "Четки". Если память не подвела Знаменскую, Недоброво говорил ей, что редактирует "Четки": "Он высоко ценил талант А. А. Николай Владимирович мне говорил, что он редактирует сборник стихов А. А. - это были "Четки" - и когда эта книга выйдет из печати, "Вы с ней не расстанетесь"¹³. Историк и библиограф по профессии, В. А. Знаменская оговаривается, и это делает ей честь, что, по словам самой Анны Андреевны, Недоброво "никогда не был редактором ее стихов". Правщиком, конечно, не был, но советчиком, консультантом, бесспорно, являлся, его слушался "сам" Вячеслав Великолепный, и А. А. продолжала посылать ему на отзыв написанное вплоть до 1917 года, когда почтовая связь между ними прервалась.

С чисто женской интуицией Любовь Александровна Недоброво почувствовала опасность, таившуюся в этих, пока еще невинных встречах, то разрушительное для ее семьи начало, которое исходило от этой стилизованной, пришедшей "в Россию ниоткуда" женщины (космополитичность облика тоже примета времени, подчеркнутая, как мушкой, "странностью" фамилии или псевдонима: Коонен, Ахматова, Казароза). Свободу общений мужа она не могла или не хотела стеснять, но за развитием отношений наблюдала с нарастающей тревогой, а затем и мукой.

В новую же фазу отношения перешли, можно почти с уверенностью сказать, на рубеже 1913 и 1914 годов. Рождественские каникулы и Святки супруги Недоброво провели в Павловске. В письме Анрепу в Париж от 5 декабря Николай Владимирович писал, что у

него будет "два занятия - писание и спорты: лыжи, коньки, катанья с гор"¹⁴. Соблазнительно было бы думать, что спутницей его в лыжных прогулках была Анна Андреевна, если бы не ее слова (хотя относиться к ним всегда надо с сугубой осторожностью), что бегать на лыжах она стала в 1920-х годах с "Павликом" Лукницким. Как бы то ни было, от Павловска до Царского, где был дом Ахматовой, рукой подать, и лыжи Недоброво могли "сухо заскрипеть" не обязательно у его крыльца, а и в другом, заранее условленном месте. В это же время Николай Владимирович пишет статью о творчестве Анны Ахматовой, приурочивая ее к готовящемуся выходу в свет весной сборника "Четки". Сохранилась черновая рукопись статьи (СПб., Пушкинский Дом Российской Академии наук), и она свидетельствует о том, что Анна Андреевна с ней была знакома и давала указания к корректировке. Очень любопытно и одно шуточное пародийное стихотворение на полях, как будто говорящее, что любви "египтянки" (такие ассоциации подчас вызывал облик Ахматовой у людей 1910-х годов) добивался "перламутровый мальчик", а не наоборот; против цитаты из стихотворения "Настоящую нежность не спутаешь..." Недоброво записал с пометой 31.1.14:

Не напрасно вашу грудь и плечи
Кутал озорник в меха
И твердил заученные речи...
И его ль судьба плоха!
Он стяжал истленье без раздумий,
В пору досадивши вам:
Ваша песнь для заготовки мумий
Несравненный бальзам¹⁵.

Вообще же, мы очень мало знаем об НВН и ААА - аббревиатуры принадлежат ей: его письма она уничтожила, по ее словам, в ноябре 1949 года, в ожидании ареста; судьба ее писем неизвестна, но сохранность их не исключается. Возможно, с обеих сторон это была изящная любовная игра, и потому в их роман вплеталось более реальное и земное увлечение Недоброво двадцатилетней Верой Знаменской¹⁶ и попытки Ахматовой - неудачные! - флиртовать с Блоком, имена же остальных... Ты, Господи, веши.

В марте 1914 г. вышли "Четки" (статью Недоброво удалось напечатать более чем год спустя, в седьмой книге журнала "Русская мысль" на 1915 год). Сборник имел успех, которому не помешали события разразившейся войны, и потребовал переизданий. В конце мая Ахматова и Недоброво расстались; 12 мая Николай Владимирович написал фон Анрепу в Париж: "Через неделю нам предстоит трехмесячная, по меньшей мере, разлука. Очень это мне грустно. Лето мое начнется в начале июня. Я, вероятно, полностью проведу его в Крыму..." (в это время у Недоброво уже открылся туберкулезный процесс). Вероятно, в июне - июле между НВН и ААА шла переписка, по крайней мере Недоброво собирался, по его словам Анрепу, "развлекать Ахматову в ее "Тверском уединении" присылкой ей идиллий, поэм и отрывков из романа..."¹⁷. Но до Слепнева Анна Андреевна в июне побывала у матери в Дарнице, под Киевом, и встречалась, судя по ее позднейшим памятным записям, с Недоброво, следовавшим на юг.

И вот грянула война, которую наиболее чуткие люди (Блок, в частности) ждали уже с зимы. Анна Андреевна поспешила из именища свекрови Слепнева в столицу; Николай Владимирович оставался в Алуште, на даче Елизаветы Магденко, жены историка западноевропейской литературы А. А. Смирнова; Любовь Александровну события застали в Германии, близ Фульды, откуда она собиралась отправиться к мужу в Крым после 20 июля, и ей до объявления войны удалось выехать в Швецию и затем в Россию. Несмотря на свой пресловутый "сюсюк", она, видимо, была дамой не робкого десятка и решительной. 30 июля Николай Владимирович писал Знаменской из Алушты:

Любовь Александровна успела выбраться из Германии вовремя. 22-го я получил от нее посланную накануне срочную телеграмму из Стокгольма, в которой она сообщает о приезде туда и о намерении ее и тети отдохнуть там два дня. Но с тех пор никаких о ней известий у меня нет. Можете судить о среднем уровне моего за эти дни настроения. Сама война разворачивается так, как я ждал и хотел. Я здоров, очень благополучен и до 17-го был в таком хорошем настроении, которого давно не запомню. Всего две недели прошло, а кажется целый год. Как постарели мы все за эту войну!¹⁸

Приводимые строки интересны не только содержащимися в них фактическими данными. Думается, они свидетельствуют об отсутствии у писавшего их особой проницательности в том, как будет разворачиваться ход событий. Если ощущение исторического рубежа дает себя знать в словах о "постарении" (мотив, едва ли не с подачи Недоброво, вскоре возникнет у Ахматовой в ее "Памяти 19 июля 1914"), то предчувствия грядущей катастрофы, конца старой России, нет. А оно было в эти дни и у мужика Григория Распутина, славшего царю отчаянные телеграммы об отказе от мобилизации, и у столбового дворянина, журналиста Юлия Бунина, сказавшему своему знаменитому брату: "Ну, конец нам! Война России за Сербию, а затем революция в России... Конец всей нашей прежней жизни!"¹⁹ Недоброво же ничем не отличался от людей своего круга, для которых Россия должна была выйти из войны обновленной, возрожденной, преображенной (и эти иллюзии оставались у него и в 1915 году, судя по примечанию, сопровождавшему запоздалую публикацию статьи об Ахматовой в "Русской мысли"). Иного и не могло быть у молодого сноба, скучавшего "законодательным вздором" в подкомиссии Государственной думы по улучшению местных финансов (гораздо интереснее было записывать на заседании зеркальным, в подражание Леонардо, почерком довольно заурядный сонет в честь ААА²⁰). Эти же иллюзии, связанные с "очистительной" ролью войны, видимо, разделяла и Любовь Александровна, политически склонявшаяся тоже к Партии народной свободы²¹).

По возвращении Любви Александровны в Россию²² Недоброво переезжают с квартиры на Кавалергардской в Петербурге, переименованном ("позорно", по словам Зин. Гиппиус, К. А. Сомова и мн. других) в Петроград, в Царское Село по адресу Б. Бульварная, 54. Они становятся близкими соседями Анны Андреевны, и, видимо, она нередко у них бывает, но, кажется, роман уже позади. И дело не в том, что на горизонте Анны Андреевны появился Анреп, вернувшийся в Россию с объявлением мобилизации: рискнем повторить, что подлинного чувственного влечения между ней и Недоброво, как затем между ней и Анрепом, никогда не было, оттого и "не билось ее сердце под его рукою". И, вообще, несмотря на большой донжуанский список, Анна Андреевна, это твердо знали люди 10-20-х годов, имела весьма ограниченный успех у мужчин своего круга, будь то Блок, Недоброво или Анреп. И им, и ей нужен был кто-нибудь более земной, простой, "человечный" (вечная проблема артистической натуры, если верить Томасу Манну). 30 декабря 1914 года Н. В. Недоброво пишет Вере Знаменской письмо, не оставляющее почти никаких сомнений в том, к кому обращены его страстные порывы; приводим его целиком по оригиналу из архива Знаменской в Российской национальной (б. Государственной публичной) библиотеке (СПб.):

*30. XII. 14. Ц. С. Бульварная, 54
Дорогая Вера Алексеевна!*

Поздравляю Вас с Новым годом и с прошедшими праздниками и нежно целую. Последние дни то и дело вспоминаю о Вас с удовольствием и почти жалею, что проповедовал Вам аскетизм: не распространяйте, смотрите, устава его на меня, да и вообще: предавайтесь удовольствию с бдящей

душой - удовольствие от того острее будет, но не ругайтесь над ним, обращая его в дурман.

Мне жалко, что я не простился с Вами, но тогда вдруг мне захотелось погулять, и я слишком далеко зашел. Да и то - дальние проводы - лишние слезы. Лучшие встреча близкая - что лишнее тогда?

Ну вот.

Когда же вы приедете? Пишите.

Я больше сплю. Погода хорошая. Ну, до свидания, моя милая, наговорил вам нежностей - и душу отвел. Все ли Вы розовая такая и щеки все ли горячие?

Обнимаю Вас и целую - не кусайтесь только.

Любящий вас Недоброво ²³.

Но благодаря исключительной скрытности Николая Владимировича о его чувствах к другой Анна Андреевна могла и не знать, и физическая холодность к ней Недоброво породила у нее, подчас, как впоследствии и в отношении Анрепа, мысли о его недостаточной мужественности ²⁴, достигшие апогея в брошенном много лет спустя по адресу Анрепа "Он женщиною был" (в сновидении). Как ни неловко нам, но мы не вправе не привести строки из письма Знаменской Анрепу от 12 января 1968 года из Ленинграда в Лондон: "Должно быть, в 1915-1916 гг. (?) Любовь Александровна со страшным возмущением говорила мне об А. А., о том, что А. А. интересуется ее, Л. А., интимными отношениями с Н. В. и что А. А. заразила Н. В. тbc" ²⁵. К 1915 году невозможность сколько-нибудь прочного союза с Н. В. Недоброво (а к нему она, очень тяготясь своим quasi-браком с Гумилевым, все же могла стремиться) стала для Ахматовой очевидной. Началась новая глава в истории ее несостоявшихся браков, называемая "Борис Васильевич фон Анреп" (1915-1917).

От предыдущей главы остались, согласно ее указаниям В. А. Знаменской ²⁶, следующие стихотворения, безусловно связанные с Н.В.Н.:

Есть в близости людей заветная черта...;
Целый год ты со мной неразлучен...;
Все мне видится Павловск холмистый...

Они датированы самой Ахматовой 1915 годом, носят посвящения Н.В.Н. и вошли в сборник "Белая стая" (1917). За ними последовали, как отголоски прежней близости и последней встречи, "Царскосельская статуя" (1916, "Белая стая", с посвящением Н.В.Н.) и "Вновь подарен мне дремотой..." (1916, "Белая стая") и in memoriam - "Пока не свалюсь под забором..." (1921, "Anno Domini MCMXXI"), "Одни глядятся в ласковые взоры..." (1935, "Тростник") и "царскосельское отступление" в главе 3-ей первой части "Поэмы без героя" (А теперь бы домой скорее..., 1941). Остальные атрибуты область литературоведческой экзегетики или интуиции.

Последнее свидетельство близких отношений с Недоброво относится к 27 апреля 1915 года. В этот день Ахматова надписывает ему отдельный оттиск своей поэмы "У самого моря" из мартовской книжки журнала "Аполлон":

Николаю Владимировичу Недоброво
от Аннушки
27 апреля 1915 г.
Царское Село ²⁷.

А в майском номере "Северных записок" Недоброво печатает сонет, который можно считать сублимированным "подведением итогов" их близости:

СОНЕТ

О, кровь из сердца, сжатого тобой,
Рубиновыми каплями лучится,
И сердце, в муке, теплое, лучится,
И сладостен его о грудь прибой.

А все, что кровь не окропит собой,
Чистейшей багряницей облачится,
И здесь, где целый мир дрожит и мчится,
Нетленною наделено судьбой.

Подательница муки, будь блаженна!
Свет на тебе! Как сердца ни изрань,
Навеки ты передо мной священна.

Но там, за кровью, нашей дружбы рань –
Лазурная. И если кровь нетленна –
Положенная непроступна грань.

Июнь 1915 года Николай Владимирович проводит в Алуште, у Смирновых, а Любовь Александровна совершает небезопасное путешествие по Дунаю в воюющую Сербию²⁸. После ее возвращения они в Петрограде, на квартире тетушки Л. А., затем снова Царское, где 13 февраля 1916 года Н. В. читает Ахматовой и Анрепу свою трагедию "Юдифь" и Анна Андреевна делает решительный шаг в борьбе за Анрепа - протягивает ему под скатертью "черное кольцо". Далее мы почти ничего не знаем о Недоброво до середины года, когда ранним летом произошла случайная встреча Николая Владимировича со Знаменской на углу Невского и Троицкой²⁹. 11 июля 1916 г. Недоброво встречается с Ахматовой в день ее отъезда из Петрограда в Севастополь, и они присутствуют при пожаре деревянного Исаакиевского моста³⁰. К осени, в связи с обострением болезни Н. В., он с женой перебирается в Крым. В сентябре 1916 года в Бахчисарае происходит последняя встреча НВН и ААА: август она провела у матери в Песочной бухте под Севастополем, а затем в сентябре-декабре жила одна в городе, в наемной комнате, надеясь подлечить туберкулез, но получив вдобавок в холодном, нетопленном, как водится на юге,

Анна Ахматова в 1915 году

"Больше сея любви никтоже имать..."

Фото Мих. Толмачева ©

помещении астму. В промежутке было недельное пребывание в Бахчисарае, куда НВН приехал, видимо, из Алушты³¹. Они, конечно, считали, что, по существу, это их последняя встреча. Он уже простился с ней в своем лучшем, только что напечатанном стихотворении ("Альманах муз" издательства "Фелана"), где говорит о ней: "... ты, для меня не спевшая ни звука" (и это находится в полном соответствии с характером ее стихов, связанных с ним); она же в стихотворении о встрече назовет "золотой Бахчисарай" местом, "откуда в царство тени / Ты ушел, утешный мой!" Куда провожала она его, в Аид или в "подвал памяти" - Бог весть. Конечно, не надо было быть большой пророчицей (а слабость к пророчествам у нее была с детства), чтобы знать: дни его сочтены, но не хочется отнести даже и на счет "железной" (самоопределение) женщины отношение к еще живому, как к усопшему. Просто: перевернутая страница биографии, "исчезнувшая тень".

Но деловые отношения оставались, и она даже, обнаружив большую душевную сухость, если не жестокость, послала ему на отзыв в августе 1917 года наброски "Сказки о черном кольце" (из них неприкрыто сквозили ее отношения с Анрепом и содержался пассаж о ее раннем любовном опыте "приморской девчонки"):

И с пятнадцатого года
Началась моя свобода.
Черный перстень так служил,

Если кто мне станет мил:
Камень в перстне поцелую,
И победу торжествую ³².

В окончательный текст "Сказки" эти и некоторые другие строки не вошли, и мы бы о них ничего не знали, если бы черновик их оставался у Анны Андреевны до ноября 1949 года, когда, в ожидании ареста, она уничтожила даже страницы юбилейного, 1937 года, однотомника Пушкина со своими пометками ³³, но еще в 1933 году она продала его вместе с "казовой", "исторической" частью своего архива В. Д. Бонч-Бруевичу, в Гослитмузей. Это способно озадачить: Анна Андреевна очень тщательно вытравляла всякую "документальность" о своей интимной жизни (переписку с Гумилевым до замужества, например), люто ненавидела Э. Ф. Голлербаха за сохранение попавших к нему ее юных писем, и вдруг... Такое признание! Высвечивающее многое в ее личной и не только личной жизни, вплоть до неприятия "Доктора Живаго" (увидела черты присущей ей самой разрушительной стихии в рано потерявшей невинность Ларе, как, скажем, мгновенно ощутила присущую ей самой "выделанность", манерность в игре Коонен или в своем облике на полотне Натана Альтмана). Поистине, "на всякого мудреца довольно простоты".

А у Недоброво после возвращения из Крыма в Петроград начинается время жизненного эпилога, борьбы за продолжение физического существования, которую прежде всего самоотверженно ведет Любовь Александровна: у него нет ни сил, ни желаний жить. Его состояние осенью 1916 г. "предсмертное" ³⁴. К середине ноября жена перевозит его в только что "открытый", входящий в моду (но вошедший только в советское время) курорт Сочи. 1 декабря Любовь Александровна пишет оттуда Знаменской:

*1-ое дек. 1916 г. Сочи (Черноморское), пансион "Элит".
Дорогая моя девочка, простите, что так долго Вам не писала, но очень продолжительное время наше существование было сплошным кошмаром, и я совершенно сломлена усталостью. Здесь мы скоро две недели, и здесь пошло лучше, хотя все же очень худо, правда, температура не поднимается выше 38, но слабость, кашель, нервность, раздражительность, с одной стороны, и подавленность психики, с другой, ночные поты, все осталось, как прежде, и конца-краю не видно. Самое страшное, что он сам себя сжигает, и в этом ужас нашего положения, - у него нет ни способности к жизни, ни охоты. [...] Ничто не радует сердца, а между тем как здесь дивно! сад полон роз, пальмы и масса другой зелени, в 30-40 саженях от нас под обрывом море. Воздух необыкновенно мягкий, в тени +10°, и солнце необыкновенно сильно светит и греет. На даче рядом живет Вячеслав Иванов с женой и маленьким голубоглазым Димой; это огромный для нас ресурс, конечно, он ежедневно заходит к Н.В. и очень, очень к нему мил. [...] ³⁵.*

Потом "славная революция" в русском варианте, когда, по слову Розанова, "Русь слиняла в два дня. Самое большее в три", и все более и более разрастающийся развал, переходящий в смуту. Ее волны пока не захлестывают Сочи, но тяжело заболевает Любовь Александровна (два плеврита, с операцией, предвестник той чахотки, которая унесет ее после мужа) ³⁶. Поначалу Николай Владимирович как будто сожалеет об отрезанности от Петрограда, о неучастии в событиях. Вот его пасхальное приветствие Знаменской:

*6. IV. 17. Сочи, Хлудовская сторона, пансион "Сальве".
Христос Воскресе,
дорогой и далекий друг!
Нет одиночества, которого бы Он не пришел разделить, и нет смерти, о бессилии которой Он не пришел бы напомнить Своим Воскресением. [...]*

Мы живем трудно: Любовь Александровна опять больна; я, с наступившим теплом хоть и пободрее, но все-таки не чувствую ничего, кроме надоевшего чувства болезни, да душевной тягости и скуки от несправедной жизни - несправедна жизнь, в которой нет ничего, кроме заботы о себе, особенно теперь.

*В том, что я инвалиден именно теперь, я чувую кару. Так бы мне хотелось на волю, в Петербург. [...]*³⁷

Но в августе 1917 г., после первой пробы сил большевиков и бессильных потуг Керенского в попытках преградить им дорогу, демократия "по-русски" у Недоброво вызывает лишь скуку: "Живем мы очень однообразно жизнью без впечатлений. Газеты доходят очень поздно, да хоть бы и вовсе не доходили: очень уж скучно читать всё про эту демократию" (письмо из Красной Поляны от 4 августа ³⁸).

С начала лета к супругам Недоброво присоединилась Юлия Леонидовна Сазонова (урожд. Слонимская), литератор и режиссер, очень сблизившаяся с Любовью Александровной и ставшая ей опорой в последние годы ее жизни. Сазонова привезла из Петрограда копию-автограф готовившейся к изданию "Белой стаи"³⁹, и, надо думать, Николай Владимирович со сборником познакомился (никаких сведений об отправке ему вышедшей в середине сентября книги нет ⁴⁰).

Дальше современные известия о Недоброво иссякают (остаются лишь расплывчатые, post factum, свидетельства мемуаристов). В 1918 году мы видим Недоброво в Крыму. 27 марта 1918 года Николай Владимирович посылает из Ялты последнее письмо Знаменской ⁴¹. Здесь, в Ялте, 3 декабря 1919 года он скончался и был похоронен на Аутском кладбище, вблизи церкви, но Ахматовой в 1929 году найти его могилу не удалось ("... словно вовсе и не жил он").

Любовь Александровну волна первого "русского исхода" в ноябре 1920 года принесла с Ю. Л. Сазоновой из Ялты в Стамбул, откуда она с помощью своей знакомой О. А. Химона и американского профессора-византолога Томаса Уиттермора, известного ей по Парижу 1913 года, переехала все с той же Ю. Л. Сазоновой в Сан-Ремо ⁴², климат которого до самого последнего времени слыл целебным от чахотки. Какие-то средства у нее, по всей видимости, оставались, и жизнь ее закончилась не в нужде. На могиле был поставлен памятник, пристойный, хотя и "не стильный", вернее - в стиле того поколения, к которому она принадлежала. Кладбище рядом с морем, разделяет их железная дорога, идущая из Генуи в Бордигеру и дальше, на французский Лазурный берег. На другой день после посещения могилы я со своим итальянским приятелем проехал за Сан-Ремо в Оспедалетти ("вилледжятура" Анны Андреевны в "апреле двенадцатого года") и на обратном пути в Геную помахал кладбищенским кипарисам в окно вагона: "До свидания, Любовь Александровна..." Было 9 мая, мы выпили с Даньеле бутылку марсалы за "победу" (почему мы, русские, можем произнести любой "их" звук, а "они" наш - нет?), за "Ванек, Васек, Алешек, Гришек", помянули и "русскую синьору". Да почует с миром. Requiscat in pace.

Август 1998 г.
Нюрнберг

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Познакомившаяся с ней в мае 1913 г. В. А. Знаменская запомнила ее даже как "очень красивую даму, одетую с большим вкусом"; "прелестное, мягкое, женственное выражение лица, статная фигура" (ОР РНБ, Ф. 1088.1.90, л. 58).

² Происходил из богатой купеческой семьи (отец - президент Коммерц-коллегии, член правления Александровской мануфактуры); получил дворянство. Его сын, отец Л. А. Недоброво, Александр Александрович Ольхин (1839-1897), после недолгой службы по дипломатическому ведомству (вышел в отставку в 1865 г. с чином коллежского асессора), выступал в качестве адвоката по политическим делам, сблизился с революционным движением, в 1879-1887 гг. подвергался высылке под надзор полиции; в стихотворениях, печатавшихся в легальных и

нелегальных изданиях, следовал традиции "гражданской" поэзии, оправдывал революционный террор; возможно, переделал в 1885 г. (или был участником переделки) стихотворения В. И. Богданова "Дубинушка" в революционном духе; после возвращения в 1895 г. в Петербург служил юрисконсультom; похоронен в фамильном имении Кайдолово, ст. Белооостров Финляндской ж. д. (сведения И. И. Гоминой и А. Ю. Балакина - см.: Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. - 4. - М.: БРЭ; ФИАНИТ, 1999. - С. 435-436, 437). Т. е., детство и становление личности Любви Александровны проходили в довольно специфической атмосфере "прогрессивной" семьи (мать - В. А. Беклемишева тоже деятельница "освободительного" движения), хотя и семьи вполне обеспеченной. Право на Белооостровское имение Любовь Александровна унаследовала вместе с братом Сергеем Александровичем и сестрами, но, видимо, круг владельцев ими не ограничивался, и в него входили также другие потомки ее деда, поскольку поместье именовалось "Белооостровским имением наследников Ген.-Лейт. А. А. Ольхина (см.: ОР ИРЛИ, Ф.201. №76, л. 1).

³ По воспоминаниям Татьяны Модестовны Девель в письме Б. В. Анрепу от 26.04.1969 (ОР РНБ, Поступление 1976 г. № 18). Бракосочетание происходило в церкви Государственного совета (Мариинского дворца) в СПб. (см.: ОР ИРЛИ, Ф. 201. № 74, л. 2 об.).

⁴ Сазонова Ю. Николай Владимирович Недоброво // Новое Русское слово. – Нью-Йорк, 1954. - 26 мая (Ксерокопия: ОР РНБ, Ф.1088.1.153, л.3).

⁵ РГАЛИ. Ф.13.1.156, л. 1 - 1 об.

⁶ ОР РНБ, Ф. 1088.1. 90, л. 60.

⁷ Ахматова А. Сочинения. - Т. 3/Общ. ред. Г. П. Струве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова. - Paris: YMCA Press, 1983. -С. 382-383.

⁸ В письме Б. В. Анрепу от 20 июня 1967 г. (ОР РНБ, Поступление 1976 г. № 18). А вот его портрет в воспоминаниях В. А. Знаменской в письме Анрепу от 15 января 1968 г.: "Внешность Н. В. носила очаровательные следы dandy'изма - всегда элегантно одет, блистал какойто тончайшей манерой ухода за собой, какой-то рыцарской вежливостью, изяществом; искрился мыслями, остроумными замечаниями, оживлением, и при мужественности, выдержанности я всегда чувствовала мягкую дружескую нежность" (ОР РНБ, Ф. 1088.1.90, л. 72,73).

Стоит также привести автопортрет Недоброво в отрочестве из его самоироничного очерка "Замечательный человек", датированного 6 декабря 1898 г.: "Он небольшого роста, довольно строен, держится прямо, вытянув трагический подбородок вперед. Темные волосы, довольно коротко остриженные, стоят прямо над небольшим лбом, удлиненное лицо не лишено некоторой привлекательности по причине здорового румянца, никогда не сходящего со щек, нос немного опускается к низу, к узким губам, и, когда Коля смеется, то показывает ряд зубов формы удлиненной миндалины. Но что особенно обращает внимание в его лице - это его глаза. Под красиво очерченными бровями находятся щелочки с глазами, положительно щелочки, потому что, особенно когда Коля смеется, у него совсем не видно глаз, а видны только небольшие яркие точки. При внимательном наблюдении оказываются и глаза, серо-зеленые, с неуловимым выражением" (ОР ИРЛИ, Ф. 201. № 43, л. 1).

⁹ Ныне покойному; назвать его мы пока не чувствуем себя вправе. Не был ли "рыбаком" Станислав Брониславович Гучковский, о встречах с которым в 1904 г. упоминается в записях П. Н. Лукницкого об Ахматовой? (Лукницкий П. Н. Асумiana. - Т.2. - Париж; Москва: YMCA Press, 1997).

¹⁰ Меткое определение художника В. А. Милашевского: "... и Anne Андреевне пришлось пожить в мизерном жилище, в узенькой комнатенке около крохотной "столовой". В типичной "фатерке", которую изобразил Бакшеев в сцене ссоры дочки с родителем" (Милашевский В. А. Анна Ахматова: Глава из воспоминаний. - Цитирую по авторизованной машинописи, подаренной мне автором в 1974 г.).

¹¹ Место было получено не без труда ввиду принадлежности Недоброво к кадетской партии (Партии народной свободы); в 1907 г. он был одним из делегатов от г. Петербурга на V Имперском съезде партии членом Литейного комитета Санкт-Петербургской городской группы партии; намеревался, приобретя после женитьбы ценз крупного землевладельца Петербургского уезда, проходить в четвертую Государственную думу от Петербургской губернии (см.: ОР ИРЛИ, Ф.201. № 61, л. 2; № 41, л. 24, 34-35).

¹² ОР РНБ, Ф.1088.1.90, л. 60.

¹³ То же, л. 26 об.

¹⁴ ОР РНБ, Ф.1088.1.297, л. 1 (в числе 3-х машинописных копий-цитат, полученных А. А. Ахматовой от Г. П. Струве в 1962 г. и переданных ею В. А. Знаменской).

¹⁵ ОР ИРЛИ, Ф.201. № 1, л. 5.

¹⁶ См.: ОР РНБ, Ф.1088.1.139, л. 2-3 об. (письмо Н. В. Недоброво В. А. Знаменской от 5 января 1914 г., Павловск), Ф.1088.1.90, л. 70 (письмо В. А. Знаменской Б. В. Анрепу от 18 января 1968 г., Ленинград). Ср. также письмо Н. В. Недоброво В. А. Знаменской от 20 июля 1915 г. из Алушты (Ф.1088.1.139, л. 34 об).

¹⁷ ОР РНБ, Ф.1088.1.297, л. 1 (машинописная копия-цитата).

¹⁸ ОР РНБ, Ф.1088.1.139, л. 4, 5, 4 об.

¹⁹ Устами Буниных. -Т. 1. - Frankfurt a. M., 1977. - С. 138.

²⁰ ОР ИРЛИ, Ф. 201. № 78, л. 37 шестой пагинации.

²¹ Так, сохранилась благодарность ей ЦК партии КД от 3 июля 1906 г. за содействие в устройстве концерта в пользу партии (О ИРЛИ, Ф.201. №57).

²² Возможно, она задержалась в Стокгольме довольно долго, занимаясь оказанием помощи русским подданным, возвращавшимся в Россию через Швецию: благодарность за помощь екатеринославцам от имени Екатеринбургского биржевого комитета отправлена ей на адрес гостиницы "Континенталь" в Стокгольме 4 октября 1917 г. (ОР ИРЛИ, Ф. 201. № 77).

²³ ОР РНБ, Ф.1088.1.139, л. 11, 12.

²⁴ Не чужд им был и сам Недоброво: "Имея огромный успех у сладострастных дам и у девочек, ищущих мировоззрения, я, сталкиваясь с женщинами, бессилён. Потому что я пустоцвет, во всем, во всем. И в своем искусстве, надоевшем и опротивевшем мне" (дневниковая запись от 24 февраля 1906 г. - см.: ОР РНБ, Ф. 1168.10. Девель Т. М. Выписки из дневника Н. В. Недоброво, л. 4).

²⁵ ОР РНБ, Ф. 1088.1.90, л. 67.

²⁶ См. письмо В. А. Знаменской Б. В. Анрепу от 15 января 1968 г. (ОР РНБ, Ф.1088.1.90, л. 74-75).

²⁷ Оттиск до 1961-1962 гг. находился в собрании С. Л. Маркова (Ленинград), затем перешел, возможно, в собрание Э. И. Григолоюка (Москва); текст дарственной надписи сообщен (по рукописному каталогу собрания С. Л. Маркова, остававшемуся у его вдовы) А. М. Румянцевым.

²⁸ Выхав из СПб. 13 июня, 20 июня доплыла по Дунаю до Силистрии (Болгария), 23 или 24 должна была высадиться с парохода в Сербии и затем добираться до г. Ниша; в июле оставалась еще в Сербии (письма Н. В. Недоброво В. А. Знаменской от 22 июня 1915 г. из Алушты и 20 июля 1915 г. из Петрограда - ОР РНБ, Ф. 1088.1.139, л. 21, 24 об. - 25). Поездка, видимо, была связана с благотворительной миссией и могла осуществиться ввиду того, что активные военные действия на территории Сербии начались позже, с октября 1915 г., после вступления в войну Болгарии, и совместного австро-венгерского и болгарского наступления, приведшего к оккупации страны.

²⁹ ОР РНБ, Ф.1088.1.90, л. 31 об.

³⁰ Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). - Москва; Torino: Einaudi, 1996. - С. 665; Лукницкий П. Н. Асумiana: Встречи с Анной Ахматовой. - Т. 1. 1924-25 гг. - Paris: YMCA Press, 1991. - С. 102.

³¹ Лукницкий П. Н. Указ. соч. - С. 102; Записные книжки Анны Ахматовой. - С. 582, 664.

³² РГАЛИ, Ф.13.1.26, л. 1-2об. Отметим, что на л. 1 об.находятся, в частности, варианты французской транскрипции фамилии Григория Герасимовича Фейгина (1885-1917), "тайного друга" Ахматовой, ушедшего на фронт летом 1917 г. и вскоре погибшего: Feiguine; gi (возможно, они сделаны другой рукой).

³³ По рассказу нам И. Н. Пуниной.

³⁴ Письмо Н. В. Недоброво В. М. Жирмунскому от 6 июля 1917г. из Красной Поляны в Петроград (ОР ИРЛИ, Ф. 201. № 33, л. 1).

³⁵ ОР РНБ, Ф.1088.1.138, л. 9 об.

³⁶ Некоторые записи Н. В. Недоброво говорят о том, что в январе-феврале 1917 года он будто бы побывал у себя в Царском Селе; так, на тетради черновики в архиве Недоброво в Пушкинском Доме надпись: Начата / в январе. / Царское Село. / 1917 / Черновики (ОР ИРЛИ, Ф. 201. № 32, л. 1). Здесь же на л. 6 дата: 4:го февраля 1917. Царское. Но эти записи как-то не вяжутся с письмом Н. В. Недоброво от 24 января 1917 г. В. А. Знаменской из Сочи: "... борьба за существование здесь очень трудна, еще труднее, чем в СПб., и отнимает все время. А тут еще Любовь Александровна простудилась, и у нее сделался эксудативный плеврит" (ОР РНБ, Ф.1088.1.139, л. 33). Можно допустить, что какие-то неотложные обстоятельства заставили супругов Недоброво в самом конце января выехать в Петроград. Отметим, что 14 февраля 1917 г. должна была открыться сессия Государственной думы, хотя неизвестно, оставался ли еще Н. В. Недоброво к этому времени в ее

аппарате. В конце января, после полугодичного, с перерывом в несколько дней, отсутствия, в Петрограде появилась и Ахматова, а 3 февраля приехал из Англии Анреп.

³⁷ ОР РНБ, Ф.1088.1.139, л. 39-40.

³⁸ Там же, л. 43. В Красной Поляне (долина реки Мзымта в 52 км к северо-востоку от Адлера) супруги Недоброво обосновались с июня (ОР РНБ, Ф.1088.1.138, л. 12).

³⁹ Сазонова Ю. Указ. соч.

⁴⁰ Но сами Недоброво в сентябре, видимо, побывали в Петрограде в последний раз; о намерении выехать в столицу осенью "по очень существенным делам", хотя "это отбросит [...] здоровье далеко назад", он пишет в письме В. М. Жирмунскому от 6 июля 1917 г. из Красной Поляны (ОР ИРЛИ, Ф. 201. № 33, л. 1). О том, что путешествие в сентябре 1917 г. состоялось, свидетельствует дата под обращенным, видимо, к жене стихотворением Н. В. Недоброво с загадочной пометой "Под арестом!":

Тише, тише, друг счастливый!
Окружимся тишиной:
Этот вечер молчаливый
Умирает, как больной...

Проведем хоть миг единый
Не смеясь и не шутя,
Этот вечер лебединый
Умирает, как дитя...

Тише!.. Слышишь вздох невнятный?
Сердце к грусти приготовь:
Этот вечер непонятный
Умирает, как любовь...

Сентябрь 1917.
Царское Село.
(Под арестом!)

(ИРЛИ, Ф. 201. № 32, л. 69 об.).

Интересно, что путешествие в Петроград опять совпадает с приездом из Лондона Анрепа и возвращением из Слепнева Ахматовой (см.: Лукницкий П. Н. Указ. соч. - С. 82, 103).

⁴¹ ОР РНБ, Ф. 1088.1.139, л. 45-46 об. Написано в пансионе Шульца (парк Эрлангера). Недоброво поздравляет Знаменскую с выходом замуж (за В. Фехнера; в указ. соч. П. Н. Лукницкого, т. 2, 1997, с. 235 фамилия передана искаженно, как Фехтер, а сама Вера Алексеевна превратилась в сестру Любви Александровны Недоброво). Естественно, что Н. В. интересуется и происходящим в Петербурге.

⁴² Основной источник скудных сведений о последних годах жизни Л. А. Недоброво: Струве Г. П. Анна Ахматова и Николай Недоброво // Ахматова А. Сочинения. - Т. 3. - Paris: YMCA Press, 1983. - С. 390, 416-417.